

—

Сяо Ху широкими шагами пошёл в комнату. Госпожа Цинь, почувствовав тревогу, помедлила и пошла за ним.

Ван Чао, стоял в комнате, ошеломлённый. Он, очевидно, привык к подобным ссорам в семье Ван, и для него это было не в новинку.

Он услышал только, что Сяо Юаньбао сказал, что купили паровые булочки и тушеного гуся. В гостях у бабушки они ели простую еду, хуже, чем у Сяо, где мясные блюда были каждые три дня. Он очень соскучился по мясу.

К тому же они вернулись издалека и ещё не обедали. Увидев, что госпожа Цинь собирается выйти из комнаты, он поспешно сказал: «Мама, когда мы будем есть? Я голоден».

Госпожа Цинь, разочарованная им, выругалась: «Ты безмозглый. Зачем ты взял его зубные принадлежности? Разве их можно есть! Из-за тебя столько проблем, и твой отчим всё услышал. Мне просто не везёт!»

Ван Чао, получив выговор, обиженно убежал.

Госпожа Цинь вошла в главную комнату, где Сяо Ху уже молча сидел на стуле.

Она почувствовала беспокойство и мягко сказала: «Я была неправа, хорошо? Почему ты так злишься? Ты только заставишь детей надо мной смеяться».

Сяо Ху тяжело посмотрел на госпожу Цинь, не отвечая, и сказал: «Я считаю, что никогда не скупился на тебя. У нас двадцать пять му земли. Двадцать му мы сдаём в аренду. Сухая земля даёт восемь связок монет в год, а рисовое поле — пять-шесть даней*. Всем этим управляешь ты. Когда я приносил товар из гор, разве я не отдавал тебе серебро?»

[*Дань (斤, dàn) – это китайская мера веса, эквивалентная 50 килограммам в современной метрической системе. Эта мера является производной от более старой системы, где один дань был равен 100 цзиням.]

«Ты брала зерно и деньги из дома и постоянно помогала своим родителям. Разве я хоть раз сказал плохое слово? Я не требую от тебя многого, только прошу позаботиться о ребёнке. Но что ты наделала?»

Госпожа Цинь от слов Сяо Ху почувствовала, что теряет почву под ногами. Сказать, что она

невиновна, было бы ложью, но этот человек никогда не был дотошным, так почему же он заговорил об этом?

Она тут же сказала: «Не этот ли мальчишка настроил Бао гера говорить обо мне плохо за спиной!»

Сяо Ху, услышав это, ещё больше разозлился: «Бэйнань и Бао гер никогда не говорили о тебе плохо! Это ты сваливаешь вину, сразу обвиняя ребёнка!»

Госпожа Цинь опешила и, вытирая глаза, начала причитать: «Тогда скажи, что я сделала? Разве ты не знаешь, как я отношусь к Бао геру?»

«Когда Бао гер заболел из-за холодной воды, у него поднялась высокая температура, на улице гремел гром, шёл ливень. Я выходила за лекарем и чуть не упала в реку. Лекарство не помогало, у меня на губах выскочили волдыри от переживаний. Я сама чуть не заболела».

«Именно потому, что я знаю это, я и хочу спросить, почему!» — Сяо Ху, вспоминая прошлое, усилил голос. Он ломал голову всё это время и не мог понять.

«Одежда Бао гера стала мала, а ты не шьёшь новой. На руках и ногах у него язвы от обморожения, а ты не следишь! Лекарь сказал, что у ребёнка слабое здоровье, и нужно его хорошо кормить! Была ли вся твоя прежняя забота о ребёнке просто игрой для меня?»

Госпожа Цинь попыталась найти оправдание. Сяо Ху тут же перебил её, упомянув, что она притворялась перед ним с Ван Чао, а за его спиной заставляла Сяо Юаньбао работать.

Она остолбенела, не зная, как Сяо Ху узнал о таких мелочах.

Сяо Ху, увидев её растерянность, понял, что это правда. Вероятно, она не ожидала, что он об этом узнает, и не придумала оправдания.

Ему стало ещё неприятнее. Сяо Бао действительно страдал от неё. Он, как отец, был безответственным.

«Сяо Бао — не твой родной сын. Пристрастность можно простить. Но семья Фан, наши соседи на протяжении десятилетий, чем они тебе досадили? Зачем тебе тайком насмеяться над ними и сыпать соль на их раны? И даже ложно обвинять их детей в воровстве! Я видел, как выросли эти двое детей. Они часто бывали у нас. Даже если бы медяки лежали на столе без присмотра, они бы и пальцем не тронули».

«Это уже не просто пристрастность. Это дурной характер!»

Госпожа Цинь не ожидала, что за несколько дней её отсутствия всё перевернётся, и Сяо Ху узнает даже о семье Фан.

У неё закружилась голова, и она чуть не рухнула на пол.

«Зачем ты мне это говоришь?!» — Госпожа Цинь вздрогнула от гневного крика Сяо Ху, и слёзы потекли ручьём.

Она не знала, что он ещё узнал.

«Как говорится, помогай нуждающимся, но не бедным! Семья Фан — больная и слабая. Старшему сыну Фан уже за двадцать, и он всё ещё не может найти себе жену. Разве это не бедность? Они добры к нам, потому что хотят высасывать из нас кровь! Я много видела таких бедных родственников в доме Ван. Общаясь с ними, мы только теряем вещи. Что мы ещё можем получить?»

«Я экономлю для тебя, а ты говоришь, что у меня дурной характер!»

Раньше Сяо Ху слушал такие слова и чувствовал утешение. Сейчас он чувствовал лишь невероятную фальшь. Он хлопнул ладонью по столу:

«Хватит! В такое время ты всё ещё говоришь, что заботишься об этом доме. Ты даже не считаешь это место своим домом!»

Госпожа Цинь снова вздрогнула, внезапно вспомнив, как тот старый чёрт поднимал на неё руку.

Она испугалась Сяо Ху и не осмелилась больше хитрить. Она решила действовать напролом: «Ты говоришь, что я не считаю это место своим домом. А ты считаешь меня своей женой?»

«Сначала я от всего сердца заботилась о тебе, об этом доме. А ты? Как ты относился ко мне! Ты целыми днями молчишь, а в сердце всё ещё помнишь о первой жене!»

«Её вещи, ты хранишь, не сжигаешь. Её комнату ты запираешь, не пускаешь никого. Я обижаюсь на неё, и обижаюсь на тебя. Если ты так помнишь о ней, как я могу верить, что ты будешь одинаково относиться к Чао геру и Бао геру!»

Сяо Ху, наконец, услышал правду.

Он долго молчал и тяжело вздохнул. В этом вопросе он действительно был виноват перед госпожой Цинь. Мать Сяо Бао умерла так давно, но он никогда не забывал о ней.

Что бы госпожа Цинь ни попросила, он старался удовлетворить её. Но только сердце своё он не мог ей отдать.

«Когда сваха знакомила нас, я сразу тебе сказал, что у меня и матери Сяо Бао были глубокие чувства. Я спросил, нет ли у тебя неприязни. Если есть, то свадьбы не будет. Но ты сказала, что уважение к покойной жене — это признак глубоких чувств, и ты будешь только уважать это».

Сяо Ху сказал: «Почему теперь ты вспоминаешь это и придираешься к Сяо Бао?»

Госпожа Цинь плакала, не переставая: «Разве чувствами женщины можно управлять? Разве моя любовь к тебе — это ошибка?»

«Моя ошибка в том, что мне не повезло, и я поздно тебя встретила. Если бы мой бестолковый брат не начал играть в азартные игры, разве бы у меня была такая горькая судьба».

Сяо Ху качал головой, не зная, жалеет ли он о своём решении или страдает от того, что из-за его невнимательности ребёнок столько натерпелся.

Он долго молчал и принял решение.

«Мы такие, наши характеры не сходятся. Даже если переживём сегодняшний день, доверия уже не будет. Я не могу заставить себя притворяться и продолжать жить с человеком, который издевался над моим ребёнком».

Госпожа Цинь вытерла глаза: «Что ты имеешь в виду?»

«После Нового года я помогу составить соглашение о разводе, а затем мы сможем разойтись».

Госпожа Цинь почувствовала, как холодок пробежал по ее телу, и с недоверием уставилась на Сяо Ху: «Как ты можешь быть таким бессердечным!»

Сяо Ху больше не говорил и снова стал молчаливым, как раньше.

Госпожа Цинь была поражена и испугана. Она не хотела, чтобы её выгнали из дома Сяо и вернули к родителям. Какая жизнь её там ждёт? Она тут же схватила Сяо Ху, плача и умоляя: «Я знаю, что я была неправа. Дай мне ещё один шанс. Я обязательно буду хорошо относиться к Бао геру. Бэйнань, если он тебе нравится, пусть остаётся в доме. Я никогда не буду его притеснять».

Но Сяо Ху не дрогнул.

Госпожа Цинь, увидев, что это не помогает, ужесточила тон: «Если ты бросишь меня, ты заставишь меня умереть! Раз уж умирать, я разобью себе голову в доме Сяо!»

Сяо Ху поддавался на мольбы, но на угрозы — нет. Увидев такое поведение госпожи Цинь, его сердце стало ещё твёрже. Он знал, что госпожа Цинь не бросит Ван Чао, и не сделает этого.

Поэтому он оттолкнул госпожу Цинь, не желая видеть её истерику, и вышел из комнаты.

Ци Бэйнань не пропустил эту ссору, услышав всё слово в слово.

Он покачал головой. Если бы им приходилось ежедневно беспокоиться о еде, у них бы не возникло столько мыслей. В конце концов, в доме Сяо они сыты и одеты, жизнь успокоилась, избавив их от беспокойства о выживании.

Когда нечего есть, люди просят о достатке. Когда жизнь налаживается, они начинают просить о любви. Люди всегда такие ненасытные.

На самом деле, ошибка была не в том, что она полюбила, а в том, что она позавидовала.

Он предполагал, что Сяо Ху, узнав правду, не оставит госпожу Цинь в покое. Мужчины не терпят обмана, тем более такого, как у госпожи Цинь.

Но то, что Сяо Ху предложил развод, приняв такое решительное решение, удивило его. Однако это лучший способ, иначе под одной крышей они будут только ссориться. Лучше отрезать раз и навсегда.

Ци Бэйнань немного пришёл в себя и увидел, что Сяо Юаньбао стоит, прижавшись к его ноге, с испугом на маленьком личике.

Чтобы услышать решение Сяо Ху, он не закрыл дверь комнаты и стоял у порога. Ссора была громкой, со слезами и криками, шум был немалый.

Пока госпожа Сунь была жива, у Сяо Ху и его жены были очень гармоничные отношения, а госпожа Цинь и он также относились друг к другу с уважением.

Сяо Юаньбао, вероятно, никогда не видел таких ссор и был напуган.

Он крепко держал Ци Бэйнаня за подол одежды, поднял заплаканные глаза и тихо спросил: «Почему папа и госпожа Цинь ссорятся? Госпожа Цинь так горько плачет, почему папа такой злой?»

Ци Бэйнань знал, что Сяо Юаньбао всё ещё не различает добро и зло. Он думал, что тот, кто говорит тихо и ласково, не является плохим. Госпожа Цинь в его сердце всё ещё оставалась старшей.

Он присел на корточки и терпеливо объяснил Сяо Юаньбао: «Папа не хотел злиться на госпожу Цинь. Но госпожа Цинь совершила ошибку и не хочет её признавать, поэтому папа так рассердился».

Сяо Юаньбао нахмурился: «А какую ошибку совершила госпожа Цинь?»

«Она солгала папе, и, поскольку она сильнее, она обижала тех, кто слабее».

Сяо Юаньбао, услышав это, поджал губы, посмотрел Ци Бэйнаню в глаза и очень серьёзно сказал: «Обижать других неправильно».

«Да, именно поэтому люди, которые обижают других, должны быть наказаны, и то же самое касается госпожи Цинь, которая уже взрослая».

Сяо Юаньбао, выслушав объяснение Ци Бэйнаня, больше не считал, что госпожа Цинь, на которую злился папа, заслуживает сожаления.

Хотя он и не знал, кого ещё обидела госпожа Цинь, он видел, как она обидела брата. В такой морозный день, когда на улице снег, она хотела выгнать брата. Она плохая.

Вспомнив, как госпожа Цинь ругала брата и хотела его выгнать, он протянул маленькую ручку, взял Ци Бэйнаня за руку и утешил: «Брат, не бойся. Папа не выгонит брата».

Сердце Ци Бэйнаня смягчилось: «А ты? Ты же хотел, чтобы я пошёл быть братом в дом дяди Ли?»

Сяо Юаньбао отвёл глаза, почувствовав вину.

Он обнял Ци Бэйнаня за шею и смущённо уткнулся в него: «Сяо Бао любит брата».

Ци Бэйнань, согретый мягким малышом, не удержался и поддразнил Сяо Юаньбао: «Но в доме дяди Ли в деревне Гуйшукоу есть пирожные с османтусом».

Сяо Юаньбао подумал: «Осенью Сяо Бао соберёт османтус и принесёт домой, чтобы сделать пирожные с османтусом для брата».

«Когда Сяо Бао научился делать пирожные? Брат и не знал».

Ци Бэйнань моргнул.

«Я ещё не умею». Сяо Юаньбао виновато покачал головой, но тут же пообещал Ци Бэйнаню: «Когда Сяо Бао подрастёт, он обязательно научится делать пирожные с османтусом».

«И до каких пор нужно расти?»

«Когда Сяо Бао станет высотой с кухонный очаг!»

Ци Бэйнань посмеялся, но с видом недовольства сказал: «Так брат будет так долго ждать, чтобы съесть только пирожные с османтусом?»

Сяо Юаньбао, боясь, что Ци Бэйнань пойдёт быть старшим братом в другой дом, поспешно сказал: «Можно и другое. Брат, что хочешь, то и ешь!»

«Тогда брат хочет маринованную горчицу с молодыми побегами бамбука, тушёные баклажаны, тофу с кунжутным маслом и острые тушеные финики...»

Ци Бэйнань назвал целую кучу блюд.

Сяо Юаньбао слушал смутно. Он знал, что такое бамбук, баклажаны, тофу, но многие названия блюд слышал впервые.

Несмотря на это, он подумал немного и согласился: «Хорошо».

Ци Бэйнань больше не поддразнивал малыша и кивнул: «Тогда давай поклянёмся на мизинчиках».

...

На следующее утро Сяо Ху отправился к старосте деревни.

Ци Бэйнань нашёл в своём сундуке с книгами образец для каллиграфии. Он хотел взять ещё одну свою рукопись, но это была реликвия его отца, и ему было жаль отдавать её.

Поэтому он решил скопировать её, а потом уже отдать скопированный образец.

Он уже обещал подарить образцы и рукописи сыну старосты, но всё никак не мог найти время. Если он отдаст только образец для каллиграфии, это будет выглядеть поверхностно и скупно.

Поэтому он взял книгу «Сяо Цзин» (Книга Сыновней Почтительности). Эта книга не входит в Четыре Книги и Пять Классиков, но он помнил, что на экзаменах её спрашивали, хотя он не знал, в какой именно год и на каком экзамене. Но образованным людям не повредит больше читать, чтобы быть эрудированным и не растеряться на экзамене.

К тому же, как уже говорилось, большинство земель и хороших книг находились в руках знатных семей. Хорошие книги и трактаты, циркулирующие среди простолюдинов, были большой редкостью. Даже те книги, которые продавались в книжных лавках и были доступны для покупки, стоили очень дорого.

Одна книга стоила не менее ста медяков. Где уж простому человеку купить много книг.

Поэтому, даже если эта «Книга Сыновней Почтительности» была старой, и даже если её не спрашивали на экзамене, она всё равно была отличным подарком.

Он отдал книгу и образец для каллиграфии Сяо Ху. Поскольку Сяо Ху собирался просить старосту составить письмо о разводе, принести подарок было уместно.

Когда Сяо Ху вышел из дома, госпожа Цинь, плача, последовала за ним, пытаясь убедить его передумать.

Ци Бэйнань не стал вмешиваться. Глядя на белый пейзаж полей, изредка слыша хлопки петард из горных лощин, он понял, что спокойного Нового года в этом году не будет.

Но впереди долгие дни, и если дело решится правильно, спокойных лет будет много.

«Там много людей!»

Сяо Юаньбао увидел, что во дворе всё ещё падает снег, похожий на пух ивы. Ци Бэйнань стоял у стены двора, глядя куда-то.

Ему стало любопытно, и он тоже хотел пойти посмотреть, но первым заметил, что по главной дороге на востоке деревни идёт толпа людей против ветра и снега. У них были ослы, навьюченные вещами. Было оживлённо.

Ци Бэйнань услышал шум и тоже посмотрел.

«Наверное, это люди с фермы на востоке деревни».

Он вспомнил, что Сяо Ху упоминал, что старого управляющего фермой хозяин перевёл, и к концу года должен прибыть новый управляющий. В будущем, когда он будет отвозить товар с гор, он будет иметь дело с новым управляющим.

Похоже, что новый управляющий наконец прибыл к концу года.

Ци Бэйнань, видя, что снег не кончается, не обратил особого внимания на нового управляющего и, взяв Сяо Юаньбао за руку, вернулся в комнату.

Хотя этот управляющий был слугой, он опирался на большое дерево, и его хозяева были, вероятно, очень знатными семьями. Знания и связи слуги из такой семьи были недостижимы для многих простых домов. В этой деревне он, конечно, был очень важной персоной.

В деревне было много людей, которые хотели с ним познакомиться и установить отношения. Тогда, когда на ферме будет набор рабочих, можно будет устроиться на работу. А если их сыновьям или дочерям повезёт, их могут порекомендовать в знатную семью в качестве слуг.

Для сельских жителей, которые ежедневно занимаются землёй и тяжёлым трудом, это был редкий шанс связаться с большими семьями. Как можно не воспользоваться им?

Ци Бэйнань пока не стремился к знакомству. Если появится возможность в будущем, он может и пообщаться.

Что касается развода Сяо Ху и госпожи Цинь и ухода госпожи Цинь из дома Сяо, это произошло только к концу первого месяца лунного календаря.

—

<http://bllate.org/book/14487/1282056>